

«Россию губят «вредные ископаемые»»

МЫСЛИ ВСЛУХ

15 июня на передаче Владимира Познера, отвечая на вопрос о причинах нестабильности российской экономики, президент Российского Сбербанка Герман Греф неожиданно сослался не на мнение маститых западных или столичных экономистов, а на доводы нашего учёного. «Знаете, есть такой очень интересный молодой человек в Ярославле, — сказал Герман Греф, — ну, относительно молодой, средних лет. Он написал книгу, которая называется «Русская модель управления». И вот он там описал все эти вещи, связанные с нашими взлётами и падениями. Очень интересные ответы, в том числе связанные с нашей ментальностью, с нашим подходом к тому, чтобы досидеть до последнего момента, а потом вздрогнуть и показать всему миру».

Учёным, на авторитет которого сослался Герман Греф, оказался преподаватель Ярославского государственного университета, кандидат экономических наук Александр Прохоров. Несколько лет назад, когда вышло первое издание книги, «Северный край» уже представлял её на своих страницах. Теперь появился повод ещё раз встретиться с автором, чтобы поговорить о его взглядах на проблемы российской экономики, дальнейших путях развития России.

— Александр Петрович, вы в курсе, что вашу книгу цитирует Герман Греф?

— Сам я, к сожалению, не видел этой передачи, но мне о ней рассказали коллеги. Конечно, приятно, что столь занятой человек, как Греф, нашёл время её прочесть и что она ему понравилась.

— Расскажите, пожалуйста, о том, как она создавалась.

— Эту книгу я писал 17 лет. Задумал её ещё в годы махрового социализма. Мне довелось побывать в разных уголках Советского Союза, и я обратил внимание на то, что люди разных национальностей по-разному относятся к работе. Уже тогда я начал задумываться о том, что есть какие-то национальные особенности мышления, формирующие экономику страны и законы, по которым она развивается, и начал накапливать материал. Помимо преподавания в те годы я уже работал на производстве и с интересом наблюдал, как развиваются отношения внутри коллектива, как это влияет на микроклимат предприятия, на эффективность его работы. Начал понимать некоторые закономерности, присутствующие именно российскому методу управления экономикой.

Правда, в те годы все мои наблюдения и выводы приходилось держать при себе, — было件件но, что издать такую книгу при советском режиме мне никто не позволит. Просто откладывал всё это в голове, не ведя никаких записей. А после падения «железного занавеса» в 1995 году я на полгода уехал в США на стажировку по корпоративному управлению. Там я окончательно убедился в том, что в России существует отдельная модель управления. И если, к примеру, японская, американская модели управления описаны и изучены, то описанием русской модели управления просто никто не занимался. Тогда я решил написать книгу.

В те годы я параллельно с преподаванием в университете работал финансовым менеджером в коммерческой фирме, потом директором по персоналу и социальным вопросам на Ярославском шинном заводе, и в процессе этой работы пришло окончательное понимание,

для производства в целом, но и для менталитета каждого конкретного человека. Механизмы взаимодействия наших людей таковы, что одновременно продолжать текущую деятельность и изобретать новое — это мы не можем. Это особенность нашего устройства, национального менталитета; мы так работаем.

Посмотрите, к примеру, как учатся большинство студентов — весь семестр они валяют дурака, спят на лекциях, а в сессию начинается интенсивная работа, они перелопачивают огромное количество материала и умуд-

риальном отношении Россия будет богатеть, но уровень культурной жизни и общей цивилизованности упадёт.

Что мы получим в итоге подобных процессов уже в XXI столетии? Массовый отток населения из России. Побегут в первую очередь люди, которые воспитывались в расчёте на другую страну — ту, в которой есть образование, наука, культура; скоро от основных атрибутов современной цивилизации в России мало что останется. Пока людей сдерживает то, что некуда эмигрировать, а когда, лет через 15 — 20,

это стимул, который заставлял людей достигать вершин. Сейчас этого стимула нет практически ни в одной сфере. Причём эти изменения приобрели такой размах, что они уже осознаются многими.

Люди видят, что базовая прослойка благополучных людей — это, как правило, люди не сильно образованные, среднего уровня, и именно эта прослойка задаёт тон. Вся среда со школы учит: не надо стремиться к совершенству. Надо быть социально адаптированным, уметь вступить куда нужно, сказать что следует, договориться с сильными мира сего, быть в нужном стаде. В общем, уметь приспособиться.

Самое страшное в том, что середнячковый принцип процветает уже и на сфере науки и культуры. И это горько — видеть троечников от живописи, литературы и кино. То же самое происходит и в науке, и в образовании, и дальнейшие перспективы у нас — превратиться в страну троечников.

— Неужели всё так безнадежно и ничего нельзя сделать, чтобы не допустить гибели страны?

— На мой взгляд, есть только один способ спасения России — смена элит и приход на ключевые позиции в экономике, политике и культуре энергичных людей, способных и желающих коренным образом изменить ситуацию в стране. Так было в конце XVII века, когда отсталость России была наибольшей за всю тысячелетнюю историю России, однако небольшая группа людей, собранная Петром Первым, смогла эту отсталость преодолеть и вывести страну на передовые рубежи (разумеется, не во всех отраслях и сферах жизни общества).

— Среди наших политиков вы видите таких героев?

— Я думаю, что такие герои ещё не вышли на общественную сцену. Пока мы живём ещё как бы в допетровскую эпоху. Современные политики олицетворяют сырьевой этап жизни страны. Русские в массе своей ещё не осознали пагубность пути, по которому мы идём. Ну, могли ли понимать Брежнев и Косыгин, что, начиная экспортировать нефть и газ в Европу, они подписывают смертный приговор своей стране и обрекают будущие поколения соотечественников на деградацию? Они и подумать не могли, на что они обрекают своих внуков.

— Раз это пока такая долгая перспектива, каким, на ваш взгляд, будет следующий, «послекризисный» период?

— Несмотря на то, что мировой кризис затронул Россию, пожалуй, сильнее, чем большинство стран мира, он не совершил перелома, необходимо для наступления нового этапа развития российской экономики. Из-за огромных размеров накопленного стабилизационного фонда в нашей стране не наступил собственно кризисный период, когда совершаются инновации, осваиваются новые отрасли, новые технологии, новые идеологии и так далее. Мы не смогли выйти из очередного застойного этапа. Мы остаёмся на том же, что нахватали в 90-е годы. Думаю, что всё то, что было привнесено тогда в Россию, будет перевариваться

ещё как минимум лет десять.

— Вам приходится читать лекции по экономике России в других странах. Как вас принимают? На ваш взгляд, какое отношение к России за рубежом?

— С одной стороны, Россию воспринимают как достойного партнёра, но с другой — на Западе привыкли верить цифрам, и потому неизменно возникает вопрос: если ты такой умный, то почему такой бедный? Если вы такая высокоорганизованная страна, почему вы не производите высокотехнологические товары, а вывозите сырьё? Ведь со времени распада СССР прошло почти два десятка лет, а Россией не было раскручено ни одного нового бренда. Иностранцы могут хорошо относиться к России в связи с нашей культурой, искусством, литературой (русская литература превратилась в такой же бренд, как русская водка), но, увы, почти всё это в прошлом.

Пожалуй, единственная потенциально удачная попытка — это гражданский региональный самолёт «Суперджет-100», двигатель которого разработали (совместно с французами) в Ярославской области, в НПО «Сатурн».

— И последний вопрос. Александр Петрович, если всё-таки ваш негативный прогноз сбудется и Россия и дальше пойдёт по пути сырьевой державы, вы покинете страну?

— Поскольку я изучаю русскую модель управления, мне никак нельзя отсюда уезжать. Я в более выгодном положении, чем представители естественных наук. Чтобы заниматься научной деятельностью, биолог уйдёт к микроскопу, физик едет к экспериментальной установке, а предмет моего изучения — за порогом моего дома. Вот она — страна, среда вокруг меня. У меня нет специальных инструментов для её изучения. Я как первобытный охотник: приложил ухо к земле и слушаю, кто где топает. И когда долго, годами «слушаешь землю», начинаешь видеть в малейших оттенках поступков людей, в небольших изменениях тех или иных количественных параметров признаки грядущих радикальных сдвигов.

Для меня важно всё: как люди разговаривали три года назад и как сейчас, что писали тогда и что пишут сейчас, что показывают по телевидению и говорят по радио, какая мода, как ездят водители, каковы способы парковки и как таксисты высаживают пассажиров. Когда начали бросать окурки в окно, когда и где перестали и перестали ли вообще... Из таких мельчайших деталей — бытовых, производственных, учебных — складывается картина изменений общества. И тогда многое можно понять и спрогнозировать. Нужно только постоянно «слушать землю», быть погружённым в нашу среду и непрерывно анализировать увиденное и услышанное. Это, конечно, дедовская технология, и с такой технологией быстро книгу не напишешь, но мне она нравится. К тому же она соответствует русской модели управления — копийщи, копийщи, а потом в авральном режиме за несколько месяцев рождается книга.

Беседовала Елена БАТУЕВА.

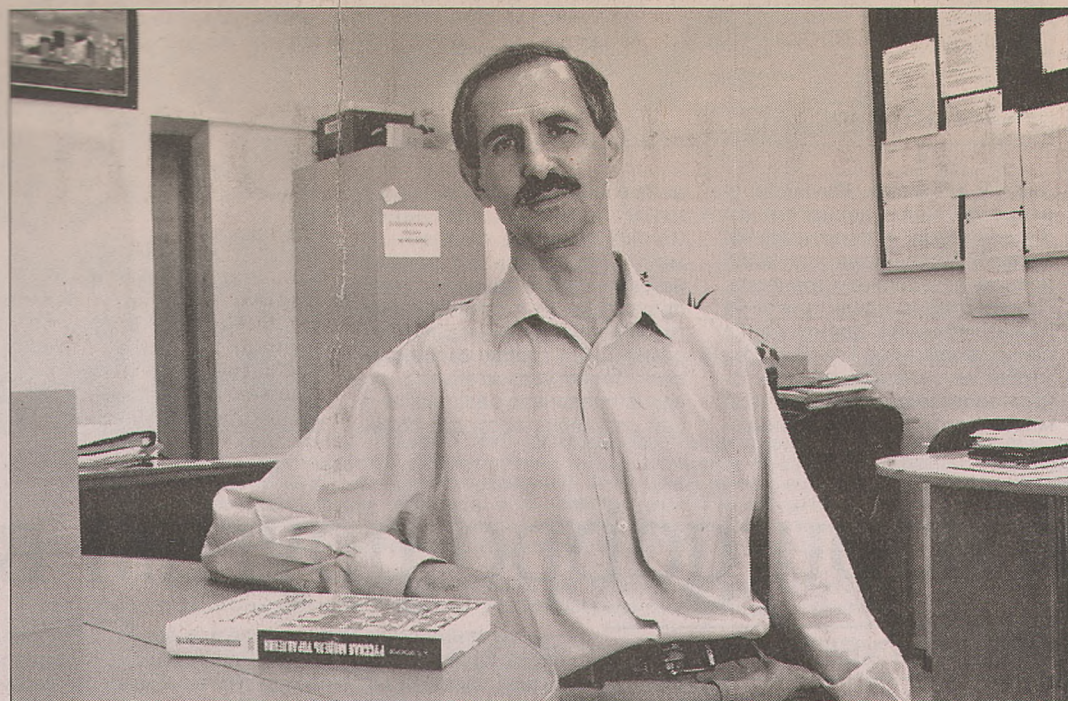

Фото Елены БАТУЕВОЙ.

что такое русская модель управления. Осуществить мою мечту о книге удалось только в 1999 году.

— Почему за издание вашей книги взялся журнал «Эксперт»?

— Этот журнал я всегда читал и очень уважал за высокий профессионализм авторов. Для меня большим авторитетом был научный редактор «Эксперта» Александр Николаевич Привалов. И вот я, провинциальный житель, человек «с улицы», набрался окаянства, приехал в Москву, пришёл к нему в кабинет и предложил свою рукопись. Он пообещал прочесть и высказать своё мнение. А через два дня Привалов сам позвонил мне и сказал: «Будем печатать!» Для меня это был большой комплимент.

С тех пор книга выдержала четыре издания.

— Так в чём же всё-таки суть русской модели управления, её отличие от других?

— Как показывает история, самые эффективные модели у тех великих держав, которые определяли судьбы человечества. Такой державой на протяжении долгого времени была и Россия. Русская модель подобна маятнику, который раскачивается, переходя из нестабильной фазы в стабильную, из застоя в кризис, из кризиса в застой. В кризисной фазе — это достаточно жёсткая модель, которая в некоторые периоды строилась исключительно на страхе смерти, а в стадии застоя — тишина и покой.

Российская экономика построена так, что периоды разгильдяйства и ничегонеделания сменяются периодами авралов и ударного труда, как в годы первых пятилеток. Причём это характерно не только

рываются успешно сдать экзамены. Так же, авральным методом, испокон веков работали наши крестьяне и строители, по этому же принципу устроена и политическая жизнь в России.

И всё же, несмотря на кажущуюся странность и иррациональность этой модели, она работоспособна. С этой моделью управления наша страна смогла стать крупнейшей по территории, немалой по населению, получить влияние в мире. Ведь после Второй мировой войны СССР прямо или косвенно управлял половиной человечества. В истории такое мало кому удавалось.

— Что же вы предсказываете россиянам?

— Перспективы не особенно радужные. По степени угроз, которые сейчас возникают для нашей страны, грядущее сопоставимо разве что с периодом Смутного времени. На мой взгляд, в ближайшее время Россия ждёт период очень опасный и в экономическом, и в социальном плане.

Причина в том, что мы в последние годы живём экспортом нефти и газа. Это вырабатывает менталитет потребительского общества и не стимулирует развитие таких сфер, как наука, высокие технологии, культура и искусство. Нашей экономике не нужно образованное население, а нужны люди, обслуживающие нефтегазовую трубу. Мы перестали быть бедной страной, люди перестали жить скудно. Труба непосредственно кормит людей. И уже нет стимула получать образование. Мы видим, как упрощается наша страна, она становится примитивной, несложной. Это сказывается во всех сферах: в образовании, экономике, политике, культуре. А дальше процесс будет идти всё быстрее. В мате-

Украина и Белоруссия войдут в Европейский союз и превзойдут Россию по развитию общественных институтов, по структуре экономики, станут странами с более развитой политической сферой, с большей степенью демократии, многие русские поедут жить туда. Перспектива переехать в более цивилизованно развитую страну, при этом не меняя языковой среды и культурных привычек, соблазнит очень многих россиян.

Но, с другой стороны, поскольку Россия будет очень богатой страной, к нам поедут люди из бедных районов мусульманских государств. Россия превратится в нечто похожее на вращающуюся дверь, как в отелях. Коренное население будет уезжать на Запад, а к нам с юга и востока будут ехать бедные и менее образованные слои населения. И потери, которые понесёт Россия, будут гораздо больше, чем те, которые мы получили в период Гражданской войны.

На мой взгляд, это будет самое «рискованное» столетие. Если Россия его переживёт, то нация и страна сохранятся на очень долгий период. Если же нет — от великой державы останутся одни воспоминания.

— Может быть, этот процесс санкционирован западными государствами, которым нужны обширные российские территории?

— На мой взгляд, никакого заговора здесь нет. Как сказал бывший российский олигарх, а впоследствии грузинский министр Каха Бендукидзе, Россию губят «вредные ископаемые» (те, которые в учебниках именуется полезными ископаемыми — газ, нефть и т. д.).

Главное, что мы потеряли за последние десятилетия —